

УДК: 339.9.01
339.92.4

РАЗВИТИЕ ТЕОРИИ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ В КАНАДЕ

© 2010 г. **Е.Г. Комкова***

Институт США и Канады Российской академии наук, Москва

В развитии теории международной экономической интеграции в Канаде можно выделить три периода: первоначальное неприятие выводов мировой интеграционистки, сделанных на основе изучения опыта Европейского экономического сообщества; попытки выделения из обширного массива знаний рационального зерна (фаза адаптации); развитие собственно канадских исследований.

Ключевые слова: *теория международной экономической интеграции, модель «асимметричной диады», регионализм, Канада, Северная Америка.*

Конец 1950-х – 1960-е годы

Период с конца 1950-х годов был отмечен пристальным интересом в мире ко всему, что происходило в ЕЭС, и почти полным игнорированием интеграционных процессов в Северной Америке. Непосредственным поводом, вызвавшим первоначальное внимание Канады к ЕЭС, были попытки вступления туда Великобритании, предпринимавшиеся в 1961, 1967 и в 1969 гг. Поворот Великобритании к Европе оказался неожиданным для правящих кругов Канады и был воспринят ими как предательство доминионов и других стран – членов Содружества. В историю вошли слова тогдашнего канадского премьер-министра и ревностного поклонника британского флага Дж. Дифенбейкера, сравнившего происходившее с ситуацией, когда «мать поворачивается спиной к своим детям». На Конференции стран – членов Содружества в 1962 г. он открыто критиковал политику Великобритании и был поддержан другими участниками [29]. Канадцев откровенно тревожила перспектива превращения ЕЭС в «крепость Европа», замкнутую вовнутрь и проводящую дискриминационную политику в отношении стран – аутсайдеров.

Собственно, североамериканских исследований в сегодняшнем значении этого слова не было. Да и в целом отношение к регионализму было отрицательным. На то было несколько причин. После окончания Второй мировой войны Канада взяла курс на участие, вместе с США в строительстве системы глобальных институтов с универсальным членством – ООН, Всемирного банка, МВФ, ГАТТ. Кроме того, важнейшей задачей для неё оставалось сохранение «трансатлантического» единства, которое предполагало поддержание хороших

* КОМКОВА Елена Геннадиевна – кандидат экономических наук, заведующая сектором политических проблем Канады ИСКРАН. E-mail: racs@yandex.ru

отношений одновременно и с США, и с Великобританией. Наконец, Канада не чувствовала себя комфортно ни в одном из регионов, к которому могла бы принадлежать. Как точно заметил выдающийся канадский дипломат Дж. Холмс, «Западное полушарие было менее реальным, чем Северное, и канадцы чувствовали мало общего с латиноамериканцами. Членство в Организации американских государств было отвергнуто по разным причинам, но в основном потому, чтобы держаться подальше от ссор американцев с латиноамериканцами... Что касается Северной Америки, то она представляла собой не столько регион, сколько “разновеликую диаду” – эвфемизм, позднее придуманный политэкономом для описания столь диспропорциональной пары государств» [13, p. 28].

Учёные того времени отдельно анализировали опыт взаимодействия Канады с США и с Мексикой. В изучении канадо-американских отношений между собой конкурировало несколько концепций, среди которых интеграционная теория в тот период отнюдь не превалировала. Упомянем транснациональный и трансправительственный подход американских политологов Р. Кеохейна и Дж. Ная-мл, системный анализ американского политолога канадского происхождения Дэвида Истона, структуралистский подход с упором на «сырьевую теорию» и индустриализацию Канады силами канадских филиалов американских ТНК. Особой популярностью в 1960–1970-е годы в Канаде пользовалась близкая к марксизму теория зависимости в своих различных проявлениях (односторонней зависимости, американского «проникновения», взаимозависимости, комплексной взаимозависимости и т.д.).

Мысль о том, что изучение западноевропейской интеграции может оказаться полезным для Канады в плане оптимизации её собственных экономических отношений с США, появилась гораздо позднее, да и то с оговорками. Исходной посылкой было отношение к этому явлению как к мало применимому к специфическим условиям Северной Америки: «Из-за очевидных различий в ожиданиях и условиях было бы удивительно, если бы теория, построенная на изучении западноевропейского, африканского, или латиноамериканского опыта, оказалась бы подходящей для Канады» [4, p. 5].

Европейские теории, пишет Н. Блэк, «не описывали взаимодействия между парами государств. Объектом их анализа были группы стран, регионы или даже весь земной шар. Функционалистские или неофункционалистские сети интегративной активности распространялись по крайней мере на целый регион; их целью был весь мир. Модели и теории, основанные на региональной интеграции, равно как и изучение сообщества в Североатлантическом регионе подразумевали количество участников большее, чем два. Вслед за теориями, многосторонний характер носили и конкретные примеры интеграции» [4, p. 100].

Ещё точнее сформулировал причины в целом скептического отношения к закономерностям, выявленным на примере интегрирующегося ЕЭС, Б. Бау, канадский политолог из Университета Дальхаузи. Во-первых, это ясное понимание значительных различий между двумя этими регионами, серьёзно огра-

* «Асимметричная диада» – это система, состоящая из двух акторов, которая характеризуется наличием значительной степени как интеграции, так и асимметрии в экономической и военной мощи (4, p. 0).

ничающих полезность сравнительных исследований; во-вторых, некий стратегический расчёт, заключающийся в том, чтобы лишний раз не воскрешать страхи противников интеграции, опасаящихся неизбежного перерастания экономической интеграции в политическую (тезис о скольжении вниз по наклонной плоскости – *slippery slope argument*); и в-третьих, имманентная склонность североамериканского бизнеса полагаться на логику рынка, а не на действия государства [2, p. 18–19].

В европейских теориях наибольшее неприятие у канадских учёных вызвали два тезиса – о неизбежности трансформации экономической интеграции в политическую и о необходимости создания наднациональных структур для государственно-монополистического управления интеграцией с самых первых её шагов.

Подводя итоги этого периода, можно констатировать, что из-за отторжения выводов мировой интеграционистки канадские политэкономы, по существу, прозевали развитие сходных процессов в Северной Америке и к началу 1970-х годов серьёзно отстали в их осмыслении.

Университетский семинар 1971–1972 гг.

Рубежным событием, ознаменовавшим переход ко второму этапу – критическому восприятию и частичной адаптации европейских теорий, может считаться Междисциплинарный семинар по международным отношениям, проходивший в 1971–1972 гг. попеременно в Карлтонском и Оттавском университетах. В нём в общей сложности приняли участие 50 обществоведов из 15 университетов, а также представители госаппарата и члены канадского Парламента. Были рассмотрены две группы вопросов: современные теории в области экономической и политической интеграции и их приложимость к специфическим условиям Северной Америки; а также конкретные примеры интеграции в «асимметричных диадах» (Ирландия – Великобритания, Великобритания – США, Мексика – США, Австралия – США, Австралия – Новая Зеландия, Польша – СССР, Норвегия – Швеция). В 1974 г. наиболее интересные выступления были изданы отдельной книгой, которая сохраняет свою теоретическую ценность и в наши дни [4].

Проведение семинара пришлось на время, когда не замечать бурного развития канадо-американских торговых и инвестиционных отношений и их сходства с процессами, происходившими в Европе, было уже нельзя. К этому времени в Канаде пыльным цветом расцвёл экономический национализм с его алармистскими настроениями. Был опубликован ряд авторских работ и три доклада правительственных комиссий, вскрывших существенное усиление в послевоенный период двусторонних канадо-американских связей практически по всем направлениям. Необходимо было дать ответы на эти новые вызовы с точки зрения науки.

Поворот к мировой интеграционистке в Канаде облегчался и тем, что сама эта научная дисциплина в тот период заметно менялась, ряд догм был отброшен, а некоторые наиболее одиозные положения уточнены. Как отмечали участники семинара, сама жизнь «подвигла ведущих исследователей междуна-

родной интеграции к пересмотру и усовершенствованию теорий. Теперь они формулируются в более нейтральных, общих и проверяемых положениях. Их прежняя настойчивость – столь обнадеживающая для европейцев и столь обескураживающая для канадцев – о том, что экономическая интеграция неизбежно ведёт к политическому союзу, была серьёзным образом скорректирована или вообще исчезла со страниц современной научной литературы» [4, р. 5]. «Хотя и с неохотой, теоретики интеграции были вынуждены модифицировать свои теории в менее амбициозные и более изощренные» [4, р. 94]. В этих условиях было бы неразумно и дальше игнорировать выводы интеграционной теории.

Попытка приспособления этой теории, разработанной на базе европейского опыта, к условиям Северной Америки, потребовала внесения двух основных коррективов: сужения круга участников до двух и признания огромной асимметрии национальной мощи США и Канады.

В результате был сделан фундаментальный вывод о том, что в Северной Америке имеет место особый вид интеграции – разновеликая диада, которая может принимать форму «интегративной гегемонии» в случае, когда асимметрия между участниками превышает некий высокий порог.

Это имело важные последствия: ведь классическая теория интеграции, отражённая в теориях функционалистов и неофункционалистов, была построена на анализе явлений, характерных для групп государств или регионов. Объектом изучения всегда была группировка, состоящая по меньшей мере из нескольких участников, шла ли речь о первоначальной «шестёрке» Общего рынка или о гипотетическом Североатлантическом сообществе. К тому же, между ними никогда не существовало столь сильной асимметрии или доминирования одной державы, как в Северной Америке, а всегда подразумевался некий баланс сил. В итоге оказалось, что в случае с разновеликими диадами «значительная часть конкретной логики современных теорий интеграции требует изменения или даже обратного прочтения» [4, р. 100].

После внимательного изучения оказалось, что некоторые из распространенных концепций о выгодах и издержках экономических союзов представляются неточными, а в некоторых случаях и прямо противоположными тому, что постулировалось. Так, по мнению одного из основных докладчиков Э. Инглиша, в условиях существования разновеликой диады младший партнёр может получить от участия в зоне свободной торговли не меньше выгод, чем старший*; уже на ранних стадиях интеграции возможно достижение устойчивого между-

*Этот тезис заслуживает расшифровки. Классическим примером того, что младший партнёр может выиграть от сделки со старшим, в Канаде считается канадо-американский Автопакт 1965 г. К факторам силы младшего партнёра в канадской литературе обычно относят следующие: 1) обладание монополией на какой-либо вид ресурса, в котором нуждается старший партнёр (например, энергоресурсы или пресная вода); 2) стратегическое положение территории; 3) сравнительная лёгкость, с которой младший партнёр из-за своей небольшой величины и сравнительно большей важности для него отношений со старшим партнёром может мобилизовать ресурсы на государственном уровне и сформулировать логически последовательную переговорную позицию; 4) способность играть на противоречиях между правительством США и интересами американского бизнеса [4, р. 104, 226].

народного социального равновесия (*international social equilibrium*)*; зона свободной торговли вполне согласуется с установлением участвующими государствами контроля за потоками инвестиций и ресурсов; и такая зона может успешно функционировать и без создания наднациональных институтов или гармонизации политики [4, p. 17–18].

Э. Инглиш также указал на необходимость избавления от двух считавшихся общепринятыми постулатов – о неизбежности и желательности интеграции. Он прямо пишет о том, что все действующие экономисты находятся под влиянием литературы о западноевропейской интеграции. Напротив, «если бы эти исследования делались на основе изучения североамериканского опыта, то пришлось бы довольствоваться теорией, признающей имманентную нежелательность интеграции» [4, p. 25].

Ещё одно важное методологическое положение заключается в признании многовариантности и разновекторности экономической и политической интеграции в Северной Америке. Инглиш полагает, что экономические факторы почти всегда подталкивают к усилению интеграции, тогда как неэкономические могут действовать в любом направлении. Например, политические силы могут твёрдо выступать за более тесную интеграцию, если этого требуют интересы безопасности, как это было в послевоенной Европе. С другой стороны, эти же силы могут выступать и как ограничитель интеграции, поскольку её углубление таит в себе угрозу для культуры, национальных традиций, политической независимости и государственного суверенитета более слабого партнёра. В результате, «задача национального правительства малой страны состоит не в том, чтобы отвергать экономическую взаимозависимость, которая весьма выгодна обществу, а, скорее, в том, чтобы минимизировать её неэкономические издержки» [4, p. 26, 38].

Были даны определения интеграции. Под политической интеграцией понимался «процесс, посредством которого два или большее количество акторов образуют нового актора», при том, что этот новый актор не обязательно должен быть государством, а может быть просто «политическим сообществом». Под экономической интеграцией – «любая система, составляющая основу для систематических и повторяющихся трансакций, которые расширяют рамки экономической взаимозависимости» по контрасту с «сотрудничеством» – «единичным актом или короткими сериями экономических трансакций, например, продажей Канадой зерна Китаю или актом оказания помощи». Но если первое определение особых вопросов не вызвало, то второе, мало согласующееся с первым, инициировало дискуссию, в ходе которой содержание интеграции было уточнено: признаком, отличающим интегрирующихся партнёров от других политических систем, была названа постепенная трансформация (преобразо-

* Этот термин означает такое состояние, изменения которого не хочет ни одно государство, поскольку ожидаемое уменьшение независимости действий или любого другого преимущества, связанного с существованием отдельной государственности, перевешивает выгоды, ассоциирующиеся с усилением взаимозависимости или появлением новых форм зависимости. Это может происходить либо потому, что уже понесённые потери были достаточно тяжёлыми, либо потому, что дополнительные преимущества от усиления взаимозависимости представляются не столь значительными (4, p. 19).

вание, слияние) двух или более государств (или отдельных национальных рынков) в некую новую и более широкую общность.

Дальнейший ход событий показал, что из мировых теорий наиболее востребованными в Канаде являются три: (1) взаимозависимости (комплексной взаимозависимости), разработанной американскими профессорами Дж. Наем-мл. и Р. Кеохейном в 1970-е годы, (2) коммуникационная школа (плюралистический подход) Карла Дейча и (3) тезис о «разъединённом партнёрстве», выдвинутый в 1976 г. американским политологом П. Катзенштайном. Первые две теории достаточно хорошо известны, в том числе и читателям этого журнала*. О третьей, имеющей весьма специальный и узконаправленный характер, есть смысл рассказать поподробнее.

В монографии П. Катзенштайна, посвящённой взаимоотношениям Австрии и Германии в период между Первой и Второй мировыми войнами [15], многие усмотрели сходство с канадо-американской ситуацией. Катзенштайн определил суть этих отношений как «разъединённое партнёрство» – «две страны, которые настолько близки друг к другу в столь многих отношениях, что трудно понять, почему они остаются необъединёнными». Таким образом, в состав «разъединённого партнёрства» он включил страны, которые являются достаточно сильно интегрированными в культурном, социальном и экономическом отношении, однако продолжают сохранять политическую автономию.

На широком историческом материале Катзенштайн показал, что в межвоенный период были, с одной стороны, созданы условия для эффективной координации политики между Германией и Австрией, а также имела место существенная эрозия политической автономии последней. С другой стороны, две эти страны так и не решились создать полномасштабное политическое сообщество из-за неблагоприятного действия международных и внутренних факторов. Исследователь сделал вывод о том, что, за исключением унификации политических институтов двух стран, произошла очевидная ассимиляция Германии австрийской политической практики, и что по эффекту эта ассимиляция далеко превзошла всё то, что наблюдалось ранее.

В катзенштайновском анализе канадским учёным импонировали по меньшей мере два утверждения. Во-первых, данное им определение политической интеграции, в котором отсутствовала фокусировка на институтах. Катзенштайн трактовал интеграцию и дезинтеграцию как «разные степени целевой координации политического поведения ради достижения общих задач». Иными словами, политическая интеграция ассоциируется в основном (хотя и не исключительно) с гармонизацией и стандартизацией национальных политик участвующих стран. Во-вторых, он воспринимал её не как заранее детерминированный, а как вероятностный процесс. По его мнению, даже на «верхних этажах» интеграции действуют разнонаправленные силы, выступающие как «за», так и «против» её проведения. К числу главных факторов, определяющих вектор этого взаимодействия, он относил текущее состояние международной системы; отношения между элитами двух интегрирующихся стран; отношения

* См.: например: *Братерский М.В.* Изменения мировой системы сквозь призму политической экономики // США❖Канада. 2009. № 11. С. 6–7.

между элитами и народными массами внутри каждой из них; соотношение между ведущими политическими партиями в каждой стране.

Методология Катзенштейна была впоследствии позаимствована и прямо применена к анализу взаимоотношений Канады и США. Правда, для их описания авторы выбрали более привычный термин – «неравные партнёры» [14, р. 27–45].

Таким образом, инициированная в начале 1970-х годов критическая переоценка положений мировой интеграционистки позволила канадским учёным наверстать отставание и на этой основе перейти к следующему этапу – разработке собственных определений, моделей и теорий.

Канадские трактовки интеграции: определения, стадии, формы

Прежде чем перейти к их рассмотрению, хотелось бы сделать несколько замечаний общего характера, начав с того, что сам термин «интеграция» вызывает в Канаде нежелательные коннотации. Как пишет Д. Стерз, «ни оппозиция, ни фактически кто-либо из канадских приверженцев не признают континентальную интеграцию, подразумевающую некий союз с США, приемлемой целью государственной политики» [25, р. XVII]. По словам П. Лайона и Б. Томлина, «нормативное положение, присутствующее в большинстве работ, состоит в том, что международная интеграция это всегда хорошо. В то же время многие канадцы склонны относиться к интеграции с Соединёнными Штатами как к угрозе, которая должна быть по возможности отражена или по меньшей мере ограничена» [17, р. 96].

Одним из следствий этого стала замена в политическом дискурсе слова «интеграция» на другие не столь политически взрывоопасные синонимы: в XIX веке это была «торговая взаимность», в XX веке – международное сотрудничество, взаимодействие, взаимозависимость, свободная торговля, в последнее время (экономический, открытый) регионализм*.

Второй момент, который стоит упомянуть, заключается в том, что по утверждению большинства мейнстримных экономистов и заверениям официальных лиц, экономическая интеграция не только не ведёт к интеграции политической, но и, по мнению некоторых, может обернуться усилением канадского суверенитета, поскольку в экономическом плане Канада становится сильнее, а, значит, может и больше сделать для повышения благосостояния своих граждан и упрочения независимости.

Наконец, нельзя не отметить, что в Северной Америке (впрочем, как и повсюду в мире) понятие «интеграция» многозначно и разные авторы вкладывают в него разное содержание. Как констатируют Лайон и Томлин, «разными авторами интеграция понимается по-разному» [17, р. 96].

Несколько слов о различиях в восприятии интеграции в Канаде и США. Хотя обе страны демонстрируют в целом отрицательное к ней отношение по

* См.: например, монографию *Mace G. Regionalism and the State. NAFTA and Foreign Policy Convergence*. Ashgate, 2007, в которой регионализм и региональная интеграция используются как синонимы.

сходным причинам – из-за угрозы национальному суверенитету и из-за усиления неконтролируемого влияния ТНК, в их подходах присутствуют немало-важные нюансы. В Канаде противодействие ощущается именно в отношении интеграции с США, тогда как в США отрицательно относятся к интеграции как таковой и в особенности к такой её черте, как супранационализм (наднациональность). Хотя, как показывает недавний опыт европейской интеграции, все страны и народы испытывают определённые опасения в отношении передачи суверенных прав наднациональным органам, именно в США эти опасения наиболее велики. В их основе, как пишет уже цитированный Б. Бау, «мифология, окутывающая рождение США в результате борьбы за суверенитет народа, и ощущаемая необходимость её продолжения ради защиты “сияющего града на холме” от разъедающих последствий международной политики, что, в совокупности, привело многих американцев к тому, чтобы уравнять наднациональность с хищнической империей или мировым правительством. Кроме того, американцы, по понятным историческим причинам, почти с религиозным почтением относятся к своей конституции, одним из следствий чего является рефлексивная оппозиция наднациональным соглашениям, поскольку, по определению, они будут брать над ней верх или другим образом замещать её» [2, p. 18].

Иллюстрацией может служить отношение американской прессы и общественности к инициированному президентом Дж. Бушем в 2005 г. Североамериканскому партнёрству в области безопасности и процветания, которое было воспринято как свидетельство секретного плана, «заговора» элит с целью проталкивания интеграционистской повестки дня за спиной Конгресса и как опасный прецедент для демократического развития общества в целом. Как патетически выразился небезызвестный ведущий Л. Доббс, «что они делают, так это создают новый бравый мир, оруэлловский мир, в котором воля народа абсолютно irrelevantна» [7].

Признаком актуализации темы стало появление в американском лексиконе такого отрицательно окрашенного термина как «Североамериканский союз» по типу Евросоюза (сторонники же интеграции используют другое, более нейтральное и менее угрожающее словосочетание – «Североамериканское сообщество»); что касается Канады, то там ни первый, ни второй оборот распространения не получили, а для отражения новых реалий стало использоваться выражение «глубокая» интеграция*. Точно также негативный приём в США встретило «амеро» – название гипотетической североамериканской единой валюты, предложенное канадским экономистом Г. Грубелем по аналогии с евро.

Главной мишенью критики в США, по понятным причинам, является Мексика. Что касается Канады, то после терактов 11 сентября 2001 г. американские деятели (Х. Клинтон, министр внутренней безопасности Дж. Наполитано и др.) не раз обвиняли её в том, что сентябрьские террористы якобы проникли в США с её территории, а также в неуступчивости в многочисленных торговых спорах, наиболее затяжным из которых является конфликт вокруг экспорта в США канадской хвойной древесины. Б. Обама, ещё будучи кандидатом

* Подробнее об этом, см. США ♦ Канада. 2008. № 5. С. 25–27.

Таблица 1

Континуум интеграции

Сферы	Несвязанные государственные образования	Полностью интегрированные страны
Экономическая	Никаких международных обменов	Общая валюта; таможенный союз; объём экономических операций прямо пропорционален величине экономик двух стран и обратно пропорциональная расстоянию между ними (т.е. «эффект границы» отсутствует)
Политическая	Автономные национальные государства; различающиеся политики, отражающие внутренние интересы	Все необходимые полномочия по принятию решений переданы наднациональным органам власти, или, в случае сохранения разделения властей, национальные государства получают полное представительство в наднациональных органах; единообразная политика, спускаемая с наднационального уровня на уровень стран
Культурная	Разные национальные ценности	Идентичные ценности как следствие ассимиляции или другой формы внешнего влияния

Hoberg G. Canada and North American Integration // Canadian Public Policy. 2000. V. XXVI. Supplement 2. P. S37.

на пост президента США, обещал в случае своего прихода к власти пересмотреть соглашение НАФТА, но затем смягчил свою позицию.

Новым моментом стало появление заявлений об опасности тесной интеграции с Канадой по причине возможного проникновения в США более либеральных канадских взглядов и законов, включая легитимизацию марихуаны, узаконивание браков между геями и терпимое отношение к абортам.

Что касается **определений интеграции**, встречающихся в канадской научной литературе, то их можно условно разделить на две большие группы – заимствованные и самостоятельно сформулированные. Из первых самым известным является определение американского исследователя С. Бланка, который в статье в канадском еженедельнике «Эмбасси» и в других своих работах определил североамериканскую экономическую интеграцию как «совместный производственный процесс по выпуску изделий» [1]. «Из этого следует, – комментирует канадский специалист Г. Ходжсон, – что необходимо изменить действующую терминологию: характеристика канадо-американских отношений в категориях “торговли и инвестиций” больше не отвечает реальностям “глубокой” интеграции. Вместо этого для описания комплекса континентальных отношений следует использовать такие термины, как “канадо-американские стоимостные цепочки” или “совместное североамериканское производство» [12, р. 7–8].

Среди оригинальных канадских формулировок отметим в хронологическом порядке следующие. Д. Стерз видит в экономической интеграции «более тесное объединение национальных экономик посредством создания зоны свободной торговли, общего рынка или экономического союза». Он отмечает, что степень развития экономической интеграции, при которой возникает необходимость в политических структурах по управлению интеграцией, может различаться [25, р. 5].

Политэконом из Университета Британской Колумбии Дж. Хоуберг рассматривает североамериканскую интеграцию как часть более широкого явления глобализации. По его словам, «для Канады глобализация на 80% состоит из американизации». Хоуберг анализирует интеграцию в разрезе трёх сфер – экономической, культурной и политической и в виде процесса, «движущегося по континууму от “фундаментально различных и несвязанных” государственных образований к “полностью интегрированным” странам» (см. табл. 1).

Своё понимание экономической интеграции дал в 2001–2002 гг. претендующий на объективность мозговой центр «Конференс борд оф Кэнада». Согласно его определению, она включает в себя четыре главных элемента: установление более тесных деловых связей путём расширения торговли, инвестиций и передачи результатов НИОКР; создание интегрированных систем производства; наличие взаимодополняющей транспортной и коммуникационной инфраструктуры; выработка соответствующей политики, создание организационных механизмов и наличие коммерческой практики, стимулирующей эти процессы [20, р. 58].

По мнению аналитиков одного из крупнейших финансовых учреждений страны «Бэнк оф Монреаль», «экономическая интеграция – это термин, используемый для описания расширяющихся экономических связей или взаимозависимостей между или внутри географических районов» [19, р. 6]. Такими районами могут быть субнациональные образования (т.е. провинции или штаты), страны или группы стран, а интенсивность экономических связей может определяться торговыми потоками (экспортом и импортом), переливом капитала (прямого и портфельного), движением рабочей силы и передачей технологий. Кроме того, могут иметь место институциональные и социальные проявления интеграции, как то: конвергенция регулирующих норм и законодательной базы в области коммерческой деятельности, ключевых компонентов социальной политики, потребительских вкусов и предпочтений и даже языка и культуры.

Резонанс вызвало сделанное в 2003 г. высказывание тогдашнего председателя «Бэнк оф Кэнада» Д. Доджа: «Под экономической интеграцией я понимаю свободное движение товаров и услуг, капиталов и трудовых ресурсов, а также гармонизацию правил и норм, регулирующих функционирование трёх ключевых североамериканских рынков» [8, р. 1]. С ним, в сущности, солидарны авторитетный канадский учёный Дэниел Шванен и аналитик канадского МИД А. Сайдор. «Обычно, – пишет Д. Шванен, североамериканскую экономическую интеграцию анализируют в разрезе четырёх широких трансграничных потоков: торговли товарами, услугами, а также движения капиталов и трудовых ресурсов, и такая разбивка является полезной с точки зрения установления

наличия интеграции в разных областях» [23, р. 66]. По мнению А. Сайдора, «полная экономическая интеграция будет означать свободную торговлю всеми товарами и услугами, совершенную мобильность капитала и беспрепятственный поток информации и идей. Она также может проявляться в устранении национальных различий в системах налогообложения, в финансировании социальных услуг, в конкурентном и антимонопольном законодательстве, в нормах, регулирующих охрану окружающей среды, и, безусловно, во введении единой валюты» [26, р. 3].

Р. Сирз в статье «Канада в Северной Америке: от политического суверенитета к экономической интеграции» определил последовательность процессов, в результате которых национальное суверенное государство постепенно превращается в участника региональной интеграционной группировки. Он выделил три главных этапа. На первом происходит кристаллизация требований национальной политики: различные социальные группы, средства массовой информации, учёные и/или правительство поддерживают трансграничную интеграцию как способ решения конкретных проблем – борьба с кислотными дождями, контрабанда наркотиков и оружия или противодействие проникновению нелегальных мигрантов. Второй этап – это экономические переговоры, в ходе которых ведётся межгосударственный торг. При этом, по мысли Р. Сирза, в условиях асимметричной взаимозависимости – а именно такой расклад сил, как показывает практика, является наиболее распространённым в мире, у слабого партнёра имеются определённые козыри, например, наделённость нефтью и газом, в которых остро нуждается сильный партнёр. На третьем этапе создаются наднациональные институты, которые в дальнейшем поощряют сотрудничество и усиливают интеграционные связи [24, р. 70–72].

Вслед за американским учёным венгерского происхождения Б. Балассой, занимавшимся изучением западноевропейской интеграции и предложившим её считающуюся классической пятиступенчатую периодизацию*, канадские исследователи дали свои интерпретации тех же закономерностей, но с учётом североамериканского опыта. Согласно схеме, предложенной Р. Липси, **стадий интеграции** не пять, а шесть за счёт включения «системы преференциальных тарифов», при которой таможенные ставки на товары из интегрирующихся стран оказываются ниже, чем ставки на аналогичные товары из остальных государств [16, р. 266].

Уже упоминавшийся Э. Инглиш тоже полагает, что таких стадий шесть, но вкладывает в них другое содержание. За точку отсчёта он принимает «нулевую интеграцию», т.е. отсутствие систематической экономической взаимозависимости между странами (как, например, у Канады с Албанией); далее следует «интеграция посредством заключения обычных договоров и соглашений»; и только потом появляется общепринятая градация: ассоциация свободной торговли; таможенный союз; общий рынок; экономический союз [4, р. 22–24].

П. Лайон и Б. Томлин насчитывают пять этапов: самый нижний интеграционный уровень образуют страны, связанные между собой соглашениями об установлении режима «наиболее благоприятствуемой нации» в торговле; затем

* Зона свободной торговли, таможенный союз, общий рынок, экономический и валютный союз.

идут зона свободной торговли, таможенный союз, общий рынок и экономический союз [17, p. 97].

Дж. Макдугалл сокращает число стадий ещё на одну – до четырёх: зона свободной торговли, таможенный союз, общий рынок и экономический союз [18, p. 187–188].

Р. Камерон, Д. Коте и К. Грэм различают финансовую интеграцию, коммерческую (в виде создания таможенного союза) и интеграцию рынков капиталов. «В этом контексте, – утверждают они, валютная интеграция и введение общей валюты могут рассматриваться как высшие стадии экономической интеграции» [3, p. 288].

Оригинальный взгляд на последовательность стадий экономической интеграции демонстрирует Д. Шванен. По его мнению, канадо-американская интеграция может и не проходить всех тех этапов, которые считаются классическими и которые преодолел Евросоюз. В частности, заключение таможенного союза между Канадой и США может потребовать чрезвычайно больших затрат политического капитала, при том, что прямая экономическая выгода окажется весьма скромной. Например, не исключено, что в итоге Канада будет не готова отказаться от своей торговой политики в отношении Кубы или от некоторых других тарифных или нетарифных барьеров (сельскохозяйственных субсидий, мер чрезвычайной торговой защиты – антидемпинговых и компенсационных пошлин). С другой стороны, большинство выгод, ассоциирующихся с таможенным союзом, могут быть получены и в обход него, скажем, за счёт упрощения правил «происхождения товаров», которые в НАФТА являются одними из самых строгих в мире.

Примеры «перепрыгивания» через стадии интеграции Шванен находит в соглашении о «более тесных экономических отношениях» между Австралией и Новой Зеландией и в рамочных соглашениях между Швейцарией и ЕС. В них, в частности, рассматриваются такие вопросы, как регулирующие нормы и правила, субсидии, трансграничные перемещения физических лиц, распределение расходов на сооружение инфраструктурных объектов, безопасность и т.п., хотя формально речи о создании таможенного союза не идёт [22, p. 404–406].

Нет согласия и в том, что понимать под **расширением** и **углублением** экономической интеграции. М. Гомез из Лондонской школы экономики и М. Гундерсон из Торонтского университета в совместном труде трактуют расширение как распространение интеграции на другие страны и регионы, например, переход от ФТА в составе Канады и США к НАФТА с присоединением Мексики, а в перспективе и к более широкому фритредерскому соглашению с участием всех или нескольких латиноамериканских стран [10, p. 312–313]. Тем самым их подход аналогичен европейскому. Т. Куршен же в работе 2004 г. интерпретирует расширение как распространение зоны ответственности НАФТА и на новые сферы, и на новых участников [5, p. 16]; а в работе 2006 г. сужает своё определение только новыми сферами, особо оговаривая, что, в отличие от Европы, речи о приёме новых членов не идёт [6, p. 47].

Те же М. Гомез и М. Гундерсон видят в углублении интеграции экспансию по линии торговли, экспорта капитала, миграции рабочей силы, вывоза технологии и деятельности ТНК.

Таблица 2

Пять сфер углубления интеграции

Сфера	Определение
Торговля	Интеграция торговли товарами и услугами достигается в основном за счёт сокращения тарифных и нетарифных барьеров. Может выступать в качестве субститута мобильности рабочей силы.
Потоки капитала	Интеграция усиливает потоки капитала, как краткосрочного финансового, так и долгосрочного производственного.
Мобильность рабочей силы	Интеграция усиливает мобильность рабочей силы путём иммиграции и эмиграции, выдачи временных разрешений на работу, введения специальных виз для специалистов-управленцев, технического персонала, а также за счёт упрощения межфирменных трансфертов.
Передача технологии и знаний	Интеграция интенсифицирует передачу технологий и знаний. Часто ассоциируется с новыми информационными технологиями и включает передачу прав интеллектуальной собственности.
ТНК	Интеграция выступает результатом деятельности ТНК, при которой аутсорсинг, межфирменная торговля и широкий круг функций (включая расположение штаб-квартиры, НИОКР, производство, сборку, оптовое складирование) часто охватывают несколько стран.

Согласно их логике, разные сферы углубления интеграции выступают и как взаимозаменяемые, и как взаимодополняемые. Так, либерализация торговли частично компенсирует мобильность рабочей силы, поскольку товары олицетворяют труд, который в отсутствие торговли мог бы мигрировать за рубеж. Точно так же открытие американскими ТНК своих филиалов и дочерних компаний в Канаде сплошь и рядом использовалось для того, чтобы «перепрыгнуть» через высокую стену тарифных и нетарифных барьеров. Напротив, растущая иммиграция может способствовать расширению торговли со страной происхождения иммигрантов; а на межстрановые переливы капитала могут серьёзно влиять те денежные переводы, которые трудовые мигранты отправляют из-за границы своим семьям на родину [10].

В понимании Т. Куршена, об углублении речь идёт в трёх следующих случаях: когда на смену зоне свободной торговле приходят таможенный союз или общий рынок; когда к соглашению НАФТА присоединяются субфедеральные образования – канадские провинции и американские штаты; когда внутри НАФТА образуются некие структуры по управлению интеграцией для оперативного реагирования на вызовы времени. Кроме этого, Т. Куршен выделяет такую понятийную категорию, как **модернизация НАФТА**, смысл которой заключается в преодолении «тирании незначительных различий», существующих

щих между национальными стандартами, регулируемыми правилами и нормами трёх участвующих стран [5, р. 16], но особенно Канады и США.

Вслед за известным голландским экономистом Яном Тинбергеном, который первым провёл различие между «негативной» и «позитивной» интеграцией, к этой теме обращаются и канадские учёные. Так, по мнению Дж. Хейла, «чем выше гомогенность интересов (в области координации политики в отдельных секторах экономики. — *Е.К.*), тем больше вероятность того, что гармонизация политики приобретёт формы, согласующиеся с позитивной интеграцией: разработку объединённых, действующих сверху вниз политических рамок и правил, носящих обязательный характер для участвующих стран. Чем выше разнообразие, тем больше вероятность того, что страны — члены НАФТА расширят положения существующих договорённостей, которые можно трактовать как примеры негативной интеграции. Эти меры обычно включают распространение недискриминационного режима на граждан из стран-членов, взаимное признание национальных правовых норм и/или формулирование общих принципов с рядом согласованных изъятий и исключений для каждой страны» [11, р. 37].

До сих пор речь шла главным образом об экономической интеграции, но, как известно, только экономикой интеграция не исчерпывается. Выше мы уже упоминали о том, что достижение политической интеграции в качестве цели государственной политики не планируется руководством ни одной страны в Северной Америке. Это, однако, не мешает специалистам вести теоретические дискуссии. Ч. Пентланд ещё в 1974 г. предложил многомерную **модель политической интеграции**, которая выдержала проверку временем и востребована в Канаде до сих пор*. Он выделил в ней пять измерений или аспектов: интеграция в сфере обороны и безопасности (*cohesive power*); в сфере принятия решений (*decision-making*); в области функционального администрирования (*functional administration*); в сфере социально-политических коммуникаций (*socio-political communication*); отношенческая (или психологическая) интеграция (*attitudes*) [4, р. 42–66]. В его типологии экономическая интеграция отнесена к разряду социально-политических коммуникаций.

Ещё более подробную классификацию из семи пунктов разработали П. Лайон и Б. Томлин:

- формальная экономическая интеграция (договорно-правовая база, лежащая в основе трансграничного движения товаров и факторов производства);
- институциональная интеграция (официальные межправительственные структуры для совместного принятия решений);
- транзакционная интеграция (фактические потоки товаров, факторов производства, рабочей силы и коммуникаций);
- интеграция политики (общие или гармонизированные законы и направления политики);
- транснациональная интеграция (структуры принятия решений, отличные от органов национального управления, действующие на трансграничной основе);

* См., например, *Regionalism and Supranationalism. Challenges and Alternatives to the Nation-State in Canada and Europe* / Ed. by D.W. Cameron. Montreal: IRPP and Policy Studies Institute, 1981. P. 95.

– поведенческая интеграция (склонность идентифицировать себя с гражданами других стран и демонстрировать лояльность общим правительственным институтам);

– культурная интеграция (гомогенизация или уменьшение различий между ценностями и культурными моделями соответствующих стран).

Это можно представить в следующем виде:

Таблица 3

Типология канадо-американской интеграции и векторы её развития в 1970-е годы по Лайону – Томлину

Разные типы межстрановых обменов и отношений	Достигнутый уровень	Вектор развития (тренд)
Формальная экономическая интеграция	Относительно слабый (три секторных соглашения)	Умеренно дезинтегративный
Институциональная	Относительно слабый	Умеренно дезинтегративный
Трансакционная	Высокий	Состояние приблизительного равновесия
Интеграция направлений политики	Значительный	Умеренно дезинтегративный
Транснациональная	Высокий	Умеренно дезинтегративный
Интеграция отношений	Значительный	Умеренно дезинтегративный
Культурная интеграция	Высокий	Умеренно интегративный

Составлено по: *Lyon P., Tomlin B. Op. cit. P. 95–121.*

К классификациям, предложенным Ч. Пентландом, а также П. Лайоном и Б. Томлиным, примыкает схема, разработанная Д. Стерзом. Хотя слово «интеграция» Д. Стерз не употребляет, а лишь определяет сферы наиболее глубокого «проникновения» США в общественно-политическую жизнь Канады, их связь с интересующим нас сюжетом бросается в глаза. Д. Стерз пишет о дипломатическом (бюрократическом), экономическом, культурном, информационном и философском проникновении [25, p. 83–109].

По мнению активно публикующегося американского эксперта К. Сэндза, интеграция может существовать в области безопасности, а также во многих других сферах – экономической, политической, военной, валютной. Наиболее распространённым видом интеграции, вызывающим протесты со стороны антиглобалистов, является экономическая [21, p. 1–2].

Канадские политэкономы не обошли молчанием и такой, можно сказать, кардинальный вопрос: почему в Европе бурное развитие торгово-экономических и других связей привело к созданию мощной и разветвлённой системы наднациональных институтов управления, которые многие отождествляют с политической интеграцией, а в Северной Америке ничего подобного не наблюдается? Данные ими ответы можно условно разделить на три группы. Многие,

если не большинство, придерживаются той точки зрения, что в канадо-американских отношениях речь идёт об особом типе интеграционного союза – разновеликой диаде, а в случае с НАФТА – «двойной разновеликой диаде: США – Канада, США – Мексика» с собственными закономерностями развития. В их числе уже упоминавшиеся Э. Инглиш и Н. Блэк, Э. Акслайн, бывший министр иностранных дел Канады и нынешний ректор Университета Манитобы Л. Эксуорзи.

Вторая группа специалистов, состав которой в последние годы расширяется, полагает, что североамериканская интеграция развивается по траектории, проложенной ЕС, но с опозданием в несколько десятилетий. По словам Д. Зассмена, бывшего президента канадской организации «Паблик полиси форум», «наиболее вероятный сценарий развития североамериканской интеграции состоит в усилении экономических и социальных связей и в дальнейшем продвижении в направлении европейской модели интеграции» [28]. «Если три участвующие страны, – считают авторы коллективной монографии «Будущее североамериканской интеграции. После НАФТА», опубликованной в 2002 г., намерены двигаться в направлении углубления интеграции, к так называемому Североамериканскому сообществу, то оно может оказаться похожим на Европейский Союз» [27]. В своих недавно опубликованных мемуарах бывший президент Мексики В. Фокс рассуждает о «прогрессе в XXI веке, основанном на европейской модели Североамериканского союза» [9]. Примерно тех же взглядов придерживаются американские профессора Э. Фрай и Р. Пастор.

Наконец третья, самая малочисленная группа, сформировавшаяся относительно недавно, полагает, что политическая интеграция в Северной Америке происходит уже сегодня, но её формы, методы и способы выражения отличны от тех, которые наблюдаются в ЕС. К этой категории учёных можно причислить уже упоминавшегося Дж. Макдугалла, а также С. Уилсон-Форзберг, Я. Симона и К. Реболledo.

* * *

Канадские исследования в области интеграции носят в целом производный и синтетический характер. Они не ведутся широким фронтом и ориентированы не столько на разработку полноценных фундаментальных теорий, сколько на приспособление концепций, разработанных другими, в основном американскими учёными на базе европейского опыта, к специфическим условиям Северной Америки. Это, однако, отнюдь не исключает и даже предполагает появление чисто канадских наработок и «открытий» в тех узких сферах и областях, где эта страна обладает «сравнительным преимуществом» в научных исследованиях, к которым можно отнести международную торговлю и международное движение капитала, лежащие в основе региональной экономической интеграции.

Список литературы

1. *Blank S.* Three Possible NAFTA Scenarios: It is Time for Canada to Think Carefully about North America // The Embassy. September 7, 2005.

2. *Bow B.* Nationalism, Regional Identity and the 'Deep Integration' Debate in Canada. Paper Presented to the Canadian Political Science Association's Annual Conference. Vancouver. June 4–6, 2008. 26 p.
3. *Cameron R., Côté D., Graham C.* Economic Integration in Europe: Its Effects on Canada // Proceedings of the Conference «Canada in the Global Economy». Ottawa: Bank of Canada. November 2004. P. 283–331 (www.bankofcanada.ca/en/conference/2004/econ_conf2004.html).
4. Continental Community? Independence and Integration in North America / Ed. by A. Axline, J. Hyndham, P. Lyon, and M. Molot. Ottawa: McClelland and Stewart Ltd., 1974. 302 p.
5. *Courchene T.* FTA at 15, NAFTA at 10: A Canadian Perspective on North American Integration // The Art of the State II: Thinking North America. 2004. No. 2. Montreal: IRPP. P. 12–42.
6. *Courchene T.* The North American Free Trade Agreement and Canadian Federalism // Continuity and Change in Canadian Politics. Essays in Honour of D.E. Smith / Ed. by H. Michelmann and C. de Clercy. Toronto: University of Toronto Press, 2006. P. 39–63.
7. *Dobbs L.* Transcript: Lou Dobbs Tonight // CNN.com. 2006. November 29 (<http://transcripts.cnn.com/TRANSCRIPTS/0611/29/Idt.01.html>).
8. *Dodge D.* Economic Integration in North America. Remarks by the Governor of the Bank of Canada to the Couchiching Institute of Public Affairs. August 7, 2003. Geneva Park, Ontario.
9. *Fox V.* and *Allyn R.* Revolution of Hope: the Life, Faiths and Dreams of a Mexican President. N.Y.: Viking Press, 2007. 375 p. (Цит. по: The Embassy. December 19, 2007.)
10. *Gomez R., Gunderson M.* Does Economic Integration Lead to Social Policy Convergence? An Analysis of North American Linkages and Social Policy // Social and Labour Market Aspects of North American Linkages / Ed. by R. Harris, T. Lemieux. Calgary: University of Calgary Press, 2005. P. 309–357.
11. *Hale G.* Sharing a Continent: Security, Insecurity, and the Politics of «Intermesticity» // Canadian Foreign Policy. Winter 2006. V. 12. No. 3. P. 31–43.
12. *Hodgson G.* Making Integrative Trade Real: Creating a Value-Chain Trade Policy for North America // A Blueprint for Canada-US Engagement under a New Administration. Conference Papers. Canada-US Project. Ottawa: Carleton University. December 8, 2008. P. 1–15.
13. *Holmes J.* Life with Uncle. The Canadian-American Relationship. Toronto, Buffalo, London: University of Toronto Press, 1981. 144 p.
14. *Jacek H.* Unequal Partners: The Historical, Political, Economic and Cultural Dimensions of the Austrian–FRG/Canadian–U.S. Dyads // Unequal Partners: a Comparative Analysis of Relations Between Austria and Federal Republic of Germany and Between Canada and the United States / Ed. by H. von Riehoff and H. Neuhold. Boulder, CO: Westview Press, 1993. P. 27–45.
15. *Katzenstein P.* Disjoined Partners: Austria and Germany since 1815. Berkeley, CA: University of California Press, 1976.

16. *Lipsey R.* Цит. по: Machlup F. A History of Thought on Economic Integration. N.Y.: Columbia University Press, 1977.
17. *Lyon P., Tomlin B.* Canada as an International Actor. Toronto: Macmillan of Canada, 1979. 209 p.
18. *McDougall J.* Drifting Together. The Political Economy of Canada–US Integration. Peterborough (Ontario): Broadview Press, 2006. 363 p.
19. North American Economic Integration... and its Application to Canadian Banks. Montreal: BMO Financial Group, Bank of Montreal, 2002.
20. Performance and Potential 2001–2002. Key Findings. Charting a Canadian Course in North America. Ottawa: Conference Board of Canada, September 2001. 20 p.
21. *Sands C.* Integration: Process, Condition, or Doctrine? // North American Integration Monitor. Wash., D.C.: CSIS. July 2002. V.1. Issue 1. P. 1–3.
22. *Schwaben D.* A NAFTA Customs Union. Necessary Step or Distraction? // International Journal. Spring 2005. P. 399–406.
23. *Schwaben D.* Free Trade and Canada – 15 years On // Policy Options. February 2004. P. 65–70.
24. *Sears R.* Canada in North America: From Political Sovereignty to Economic Integration // Policy Options. February 2008. P. 68–77.
25. *Stairs D.* North American Continentalism – Perspectives and Policies in Canada // Regionalism and Supranationalism. Challenges and Alternatives to the Nation-State in Canada and Europe / Ed. by D. Cameron. Montreal: IRPP and Policy Studies Institute, 1981.
26. *Sydor A.* An Index of Canada–U.S. Economic Integration. Ottawa: DFAIT, Office of the Chief Economist. Analytical Paper Series (APS No. 005). June 2008. 13 p.
27. The Future of North American Integration. Beyond NAFTA / Ed. by P. Hakim and R. Litan. Wash., D.C.: Brookings Institution Press, 2002. 130 p.
28. *Zussman D.* Industry Canada Conference on the Theme «North American Linkages – Opportunities and Challenges for Canada», Held in Calgary on June 20–22, 2001 and a Follow-up Roundtable Organized in Ottawa, on October 18, 2001. (Цит. по: Micro. Special Trade Issue. Ottawa: DFAIT, Autumn 2001. V. 8, No. 2.)
29. 1957–1968: Turbulent Times. History of Canada’s International Relations (<http://www.international.gc.ca/history-histoire/world-monde/1957-1968.aspx?lang=en>).